

ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЙ СИМВОЛ РОЖДЕСТВА РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ ОТ ПЕТРА I ДО НАШИХ ДНЕЙ

Друзья! Каждый из нас ожидает от нового, 2022 года только лучшего, ведь он обязательно должен быть удачнее и радостней предыдущего. Желаю, чтобы так и случилось! Пусть вас ждут в новом году яркие впечатления, приятные встречи, искренние улыбки.

Пусть все желания сбудутся, а праздничное настроение задержится на целый год! Пусть откроются новые, еще неизвестные горизонты и произойдет множество удивительных и приятных сюрпризов!

Пусть за любым поворотом судьбы вас ждут только те события, которые принесут благополучие и уверенность в завтрашнем дне. Здоровья вам и простого, такого нужного всем нам человеческого счастья! С Новым годом!

Директор МГОК Игорь Артемьев

«7208 году декабря в 20 день Великий Государь Царь и Великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России указалъ сказать: ...впредь лѣта счислять въ Приказахъ и во всякихъ делахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря съ 1 числа отъ Рождества Христова 1700 года».

С этих памятных слов Петра Первого в самом конце 1699 года и началась в России современная история празднования Нового года и Рождества. Даже сама дата с таким «скромным» числом лет появилась впервые — потому что тогда ожидалось на Руси наступление года 7208-го от Сотворения мира.

Молодой Петр I не только учредил праздник 1 января, но и фактически совершил календарную реформу — введя систему летоисчисления по европейскому образцу. Так 7208 год от Сотворения мира стал годом 1700-м от Рождества Христова, привычным для нас.

Конечно, наступление нового года праздновали и раньше. «Парижский словарь московитов», на излете XVI века опубликованный во Франции, сообщал, что старорусский новогодний праздник именовался «первым днем во году». А год тогда начинался 1 марта и оканчивался 28/29 февраля. Но с Петром I пришли на Русь новые времена. И медлить с календарной реформой царь не желал — ведь с 1700 года начинался и «новый столѣтний вѣкъ»!

По царскому повелению праздновали этот неожиданный Новый год целых семь дней: «в царствующем граде Москве после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви» знатым людям «палатного, воинского и купеческого чина» предписывалось поставить перед домами хвойные деревья, а ворота украсить еловыми, сосновыми и можжевельными ветками по образцам, выставленным у Гостиного двора. Вечерами полагалось жечь хворост и солому в «смоляных и худых бочках», пускать ракеты и фейерверки, стрелять из небольших пушечек, мушкетов и прочего «мелкого ружья». А на Красной площади вовсю плескалось пламенное великолепие — зажигали «огненные потехи», палили из пары сотен пушек.

Вот только понятный всем нам вид праздники эти обрели лишь в конце XIX — начале XX столетия. Тут надо иметь в виду, что те самые, петровские, «лапы ёлочки» и можжевельник не имели никакого отношения к увешанным игрушками елкам внутри домов, да и после Петра елка на долгое время оказалась едва ли не забытой — вплоть до 1840-х.

А что же после? Ответ получится неожиданно интересным — если взглянуть на историю пристальней! Так вот, исторические документы говорят, что первая домашняя елка была поставлена 24 декабря 1817 года в личных покоях императорской семьи в Москве — и поставила ее великая княгиня Александра Федоровна, супруга

будущего императора Николая I. При Александре III елку устраивали в Гатчинском дворце 24 и 25 декабря. А в царствование Николая II елка обычно украшала Александровский дворец в Царском селе.

Но елки во дворцах — все же исключение. Общепринятого обычая праздничных елок в России не существовало. Например, Пушкин с Лермонтовым елок на Рождество никогда не видели: в их дворянском кругу популярны были традиционные русские святочные балы и маскарады.

А вот в начале 1840-х в столичных кондитерских уже продавались «прелестные немецкие елки, убранные сладостями, фонариками и гирляндами!» Новинка вызвала восторг взыскательной публики, и скоро елки воцарились в модных петербургских и московских домах: «Украшают это деревцо как возможно лучше, цветами и лентами, навешивают на ветки вызолоченные орехи, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда и разного рода искусно сделанные конфеты. Все это освещается множеством разноцветных восковых свеч, прилепленных к веткам, а иногда и разноцветными фонариками».

Тут в свидетелях — литература: например, рассказ Достоевского «Елка и свадьба» был написан в 1848 году, а в нем и сама елка с подарками, и праздничный детский бал — нечто всем известное. А в числе литературных первопричин моды на елки можно назвать сказки Гофмана — «Щелкунчик и Мышиный король» и «Повелитель блох», Андерсена — «Девочка с серными спичками» и «Елка».

Кстати, подарками тогда считались все игрушки, сладости — «конфеты», да и вообще всё, что висело на ветках елки и лежало под ней, — и у каждого подарка был свой даритель. Потому что приписывать появление подарков сказочным и волшебным персонажам взрослые научились только в первых годах XX столетия!

В начале 1850-х елками уже торговали у Гостиного двора — привозили их финские крестьяне, и такой сезонный промысел приносил им хорошие заработки, потому что елки ценились недешево. Петербуржцы даже соревновались, у кого елка богаче и больше: в самых знатных домах их украшали расшитыми золотом тканями и настоящими драгоценностями!

А первую публичную (то есть общественную) елку устроили в декабре 1852 года в увеселительном павильоне в Екатерингофе под Петербургом: огромная ель «одной стороной прилегала к стене, а другая была разукрашена лоскутами разноцветной бумаги». Вскоре публичные елки уже не считались диковиной — их ставили в главных залах дворянских, офицерских и купеческих собраний, в театрах, клубах. С 1850-х ежегодной стала большая елка в Московском Благородном собрании (сейчас Дом союзов). А вот прочие города отставали — в провинциальных помещичьих усадьбах еще долго придерживались традиции святок.

И вообще процесс «утверждения» елок в России получился необычным и не всегда радужным: пушистые красавицы как вечнозеленый символ Рождества испытали на себе не только восторг — но и неприятие, и равнодушие вплоть до вражды. Но позже, в конце 1880-х, священник и педагог Евфимий Швидченко напишет:

Почтовая марка напомнила, что праздновать Новый год 1 января повелел Петр I

Воспитанники Мариинской школы глухонемых в карнавальных костюмах у елки. Санкт-Петербургский уезд, 1913 год

ВЕЧНОЗЕЛЕННЫЙ СИМВОЛ РОЖДЕСТВА (ОКОНЧАНИЕ)

«В наше время обычай зажигать на святках елку для детей все более и более распространяется по России. Редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает в это время для детей елки. Все уже так привыкают к этому обычаю, что без елки святки — не в святки, рождественские праздники — не в праздники».

В последней четверти XIX столетия рождественское дерево наконец-то одержало полную победу. Елка сделалась всеобщей любимицей, их ставили повсюду — в «господских» домах, школах, гимназиях, университетах и детских приютах. Перелистывая святочно-рождественские и новогодние выпуски газет и журналов, легко заметить, что ближе к 1900-му все чаще упоминается фигура старика с елкой — например, в описаниях сияющих огнями магазинных витрин. А это свидетельствует, что Дед Мороз стал штатным елочным персонажем! Тут важно учесть одно неочевидное обстоятельство: главным праздником вплоть до 1917 года было именно Рождество, а Новый год воспринимался как маленькое приятное дополнение. Как раз поэтому ожидание и явление елки в сочельник — канун Рождества — были самыми памятными, самыми счастливыми переживаниями ребенка. Дети потом стали взрослыми, прошли через войны, революции и эмиграцию... но елки детства запечатлелись в памяти навсегда.

Опять призовем на помощь волшебницу Литературу! Пожалуй, лучше Ивана Шмелева никто из литераторов не описывал чудесный, романтический мир дореволюционного Рождества. От его слов веет ярким сиянием праздника, особой старинной теплотой, подлинной неспешной праздничностью. Откроем ненадолго его «Рождество в Москве. Рассказ делового человека»: «Игрушечные ряды полнеют, звенят, сверкают, крепко воняет скипидаром: подошел елочный товар. Первое — святочные маски, румяные, пусто-глазые, щекастые, поднимают в вас радостное детство, пугают рыжими бакенбардами. Спешись по делу, а останисьшь и стоишь, стоишь, не оторвешься: веселье, пузатые, золотисто-серебристые хлоплушки, таинственные своим «сюрпризом»; малиновые, серебряные, зеркально-сверкающие шарики из стекла и воска; звезды — хвостатые кометы, струящиеся «солнца», рождественские херувимы, золоченые мишки и орешки; церквушки-крошки с пунцовыми святыми огоньками из-за слюды в оконце, трепетный «дождь» рождественский, звездная пыль небесная — елочный брильянтин, радостные морковки, зелень, зеркальные дуделки, трубы с такими завитками, неопишимо-тонкий картонаж, с грошками из шоколада, в осып сладкой крупки, с цветным драже, всякое подражание природе... — до изумления.

Но это домашний, семейный праздник Рождества. А где и как в начале XX века москвичи встречали Новый год? После того, как встретили Рождество? Ведь жили тогда «по старому стилю» календарных дат и Рождество праздновали раньше Нового года.

Верная предновогодняя примета: уже к вечеру 31 декабря на улицах не было ни души. Все, кому обстоятельства позволяли, по домам прихорашивались к торжеству. И лишь за час до полуночи разъезжались по забронированному заранее ресторанам. А там уже приготовились к неслышанному наплыву посетителей!

Например, в 1911 году рекорд безоговорочно оказался за рестораном «Стрельна» — там накрыли столы для 2000 гостей. «Метрополь» вместил 1700, «Прага» — под 500 празднующих... «Яр» зал для гостей украсил гирляндами живых роз прямоком из Ниццы, в «Альпийской розе» грандиозная ель сияла электрическими огнями. Но всех переплюнул «Метрополь» — гала-ужин там именовался «новогодним авиационным карнавалом», под потолком главного зала висел громадный дирижабль, в углах — изукрашенные модели аэропланов.

А уж как праздновали... Популярнейшая газета «Русское слово» о таких вечеринках отозвалась язвительно: «Присутствующие чуть не потопили новорожденного (имеется в виду новый год) в море шампанского. И чуть не оставили его глухим, потому что громко играли оркестры, дамы визжали, а мужчины громыхали здравницами».

Ну а публика попроще валом валила в Манеж, где тоже приготовили программу увеселений — менее изысканных, но зато дешевле!

А еще... Еще новогодняя ночь имела неожиданное продолжение. Потому что утром 1 января полагалось вдобавок визиты нанести в дома своих коллег по казенным и частным учреждениям, вручить подарки и попить чайку.

Ну а далее по Москве начиналась череда благотворительных балов, маскарадов и танцевальных вечеров. Самым важным считался Предводительский бал (то есть у предводителя дворянства) — исключительно аристократический, получить приглашение на который считалось знаком высшего почета. Но в начале 1900-х неторопливое, по-купечески благодушное устройство московской жизни поменялось — Москва вслед за Петербургом стремилась в будущее, скидывая шелуху традиций. Время неслышанно ускорило, и в том же 1911 году на Предводительский бал уже допускалась всякая публика. Танцевали люди весьма разного звания — купцы, промышленники, статусные служащие, а с парадномундирными офицерами в открытую заигрывали дамы не вполне голубых кровей!

А затем... Многие изменила грянувшая в августе 1914-го Первая мировая. Потому что из-за неслышанного патриотического и антигерманского подъема, свойственного первым месяцам войны, на страницах журналов и газет разгорелась ожесточенная полемика: отмечать Рождество по-прежнему с елкой — или отказаться от нее как от «вражеского атрибута»?

Елке напомнили ее немецкое происхождение и что «русская старина» никаких елок не знала; говорили, что елка — «обычай не христианский». Впрочем, победили все же голоса разумные, среди которых прозвучало мнение Никодима Кондакова, академика Петербургской академии наук: «Как святочный обычай елка не вносит, конечно, никакого нарушения в дух Православия, и с этой точки зрения нет никаких оснований для ее упразднения, тем более что елка доставляет столько радости детям».

Ну а с сентября 1929 года, когда Рождество вместе с другими религиозными праздниками было отменено, с елкой взялись бороться уже как с «религиозным символом». Пионеры и комсомольцы увлеченно рисовали плакаты «Вместо елки — санки, коньки да горки».

Впрочем, в 1935-м государственная позиция смягчилась, было принято постановление о праздновании Нового года в СССР. Газета «Правда» назвала антиелочную кампанию «левым загибом», елку реабилитировали и вернули советским детям — но как исключительно новогоднюю. Автоматически к Новому году переключались также другие рождественские традиции — подарки под елкой и Дед Мороз.

Не прервалась традиция и в годы Великой Отечественной войны: Новый год праздновали, пусть скромно, даже на фронте, где бойцам вручали подарки и посылки «от тружеников тыла». Праздник отмечали в землянках и блиндажах, в аэродромных столовых и просто в чистом поле у костра...

В 1948 году 1 января объявили выходным днем. Теперь Новый год праздновали в детских садах, дворцах пионеров, домах культуры, школах, училищах и институтах. И обязательно с подарками! А в 1954-м впервые зажглась главная елка страны — Кремлевская, самая загадочная и желанная. А вообще первая в Москве большая «государственная» елка — 15-метровая! — была установлена в 1937 году в Колонном зале Дома союзов (да-да, в бывшем Московском Благородном собрании), именно там Дед Мороз впервые появился вместе со Снегурочкой.

Новый год стал в СССР одним из главных праздников: с шампанским под перезвон курантов, салатом оливье и сельдью под шубой, мандаринами и конфетами, телевизионным «Голубым огоньком» и обязательными фильмами вроде «Иронии судьбы...» и «Карнавальная ночь».

Всем знакомая новогодняя и рождественская традиция живет и в современной России!

Марка Почты России, поздравившая с 2022 годом наперекор коронавирусу!